

Д. В. ЦВЕТАЕВ

<Редкая из моих печатных работ по иностранному вопросу в России не была отмечена критикою>

<Фрагменты>

<...>

Редкая из моих печатных работ по иностранному вопросу в России не была отмечена критикою. Служа к раскрытию той или иной отдельной стороны предмета, многие из них вызывали суждения лиц, прямой научный интерес которых ближе всего лежал к излагаемой части вопроса. Особенного внимания критики удостоена моя магистерская диссертация «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках» (М., 1886)*. Но ни на одно из суждений я не откликнулся печатно. Все эти предыдущие мои работы были отрывками задуманного впереди целого, к которому я находил уместным приступить не ранее окончания дела над важнейшими частями. Избранный нами предмет крайне сложен, труден по своему существу и еще слишком нов в точной исторической науке, чтобы в постановке, изучении и выяснении его мог кто-либо обходиться без постороннего содействия, и лучшим ответом моим почтенным критикам я полагал степень пользования их советами и указаниями в моих дальнейших изысканиях и по преимуществу в своем общем сочинении, куда должны были, в соответственной переделке, войти прежние монографии и где я,

* Кроме официальных оппонентов и критиков, потрудились дать подробный разбор ее проф. А. Г. Брикнер (Russische Revue, 1886. III. 274–318) и А. Н. Пыпин («Вест. Евр.», 1887 г. I. 255–296), сами много сделавшие по западно-европейскому у нас вопросу; затем встретили мы суждения проф. В. С. Иконникова («Рус. стар.», 1886. IV), Д. И. Иловайского («Моск. вед.», 1886. № 12), Д. А. Корсакова («Историч. вестн.», 1886. VIII. 399–403) и других.

путем применения указаний критики, должен был определенно показать свое согласие или разногласие с нею. По отношению собственно к германо-протестантскому вопросу теперь задача выполнена нами за первый его период: в историческом исследовании «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований» (М., 1890 г. VIII, 782 и II стр.), как справедливо подмечено и критиками, объединены в одно целое прежние наши работы из данной области за рассматриваемое время и присоединено то новое, чего не было в печати. <...> Сама собою поэтому является надобность уже высказываться по поводу тех или иных суждений, даваемых критикою о последнем сочинении.

<...> Более возражений вызывает рецензия, помещенная в «Историческом вестнике» Д. И. Багалеем¹, официальным оппонентом на диспуте при защите мною диссертации на степень доктора русской истории в Харьковском университете. Воздержаться от разъяснения этого разбора для меня было бы прямо неуместно. Официальные мои оппоненты на магистерском диспуте в свое время ограничились в печати общей характеристикой книги, опустив почти все, подвергавшееся спору и оспариванию*, и мы потом не считали себя вправе продолжать свою беседу с ними печатно; но проф. Багалея повторяет по преимуществу частные возражения, предлагавшиеся им в качестве оппонента, и тем самым вызывается воспроизведение соответствующих ответов, без которых сохранилась бы в критике односторонность и условность многих ее положений, подчас выражаемых, без нужды, слишком категорически.

Вызванные исключительным поводом, замечания моего почтенного критика носят на себе яркий отпечаток этой случайности; многие из них едва ли бы явились в ученом разборе на книгу, взятую саму по себе, без ее стороннего назначения.

Сюда относится довольно казуистический намек на отношение части настоящего исследования к первым главам нашей магистерской диссертации, или не в меру удлинненный ряд укоров за подробное изложение некоторых крупных фактов, о которых писалось и другими авторами, хотя бы эти другие писали с иными задачами, нередко без достаточной полноты, отрывочно и случайно или же в форме сообщения материалов, а иные и без соблюдения

* «Христианское чтение», 1889. № 8. Протоколы заседаний Совета. С. 139–142.

должной точности и документальности. Полнота и обстоятельность изложения и раскрытия предмета, которые нравятся самому критику и о которых он сначала отзывается с похвалой, делаются вдруг предметом нападения, и свои заметки об изложении наиболее крупных фактов г. Багалея предлагает при этом в форме укоров, несмотря на то что такого именно изложения указанных им фактов требовало обыкновенно самое существо дела и весь строй книги, и что, в противном случае, были бы допущены в содержании сочинения важные пробелы. <...> Подобные «недоразумения», выдаваемые под видом возражений, и игра слов и понятий, немедленно шедшая на встречу разъяснениям, служили на диспуте, конечно, лишь к оживлению прений. Все это, как обычный в нашей академической практике стратегический прием, имеет свое значение, но в печати он теряет свою силу.

Прямая задача моего исследования «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований» обуславливалась сущностью предмета и положением его разработки в исторической науке. Мною имелось в виду представить, по возможности, полное, документальное и многостороннее изложение и выяснение германо-протестантского вопроса в дореформенной России, и показать, как постепенное разрешение его подготовляло в русской жизни почву для широких гражданских реформ с их известными задачами и пособиями в проведении. Основанием изысканий должны были служить первоисточники — архивные, рукописные и печатные; в построении должна привлекаться соответствующая литература предмета, критически проверяемая по первоисточникам. Прежние мои работы, раскрывавшие различные части предмета, теперь должны были найти себе объединение, органически слиться в настоящем, цельном по содержанию, исследовании; на них я так смотрел и во время изготовления их*. Академическое же назначение книги, имеющее временный интерес для одного автора и его двух-трех оппонентов, стояло для меня на втором плане, — иначе мною была бы взята тема не такая сложная, а гораздо специальное, что избавило бы меня от необходимости привлечения источников и пособий, слишком разнородных между собою, от необходимости одновременного и совместного обследования как гражданских, так и церковно-исторических, даже догматических и канонических

* Свой взгляд на задачи труда нами подробно изложен в речи пред защитой диссертации.

элементов, и от сведения добытого в одну цельную картину, где все должно служить к взаимному пояснению и восполнению.

Было бы очень искусственно утверждать, что судьба протестантства в Юго-Западной России, бывшая вообще отражением дел в Польско-Литовском королевстве, непосредственно и органически влияла на подготовку и установку Петровых реформ. Обрисовав в отдельной статье положение его в польско-литовских владениях, в состав которых, в его лучшую пору, входила и Юго-Западная Русь, в настоящем своем исследовании я сосредоточил свое внимание на истории протестантства и протестантов в *пределах самостоятельного Русского государства*, в котором она имела значение и сама по себе, и по той роли, которую имели протестанты в деле подготовки почвы для наступившей потом эпохи преобразований; о какой России должна быть речь, предисловие к книге и оглавление к ней не оставляют сомнений. То же, что в событиях Юго-Западной Руси и вообще бывшего Польско-Литовского королевства находилось в прямой связи с теми или иными здесь фактами и оказывало на них непосредственное свое воздействие, по мере надобности привлекалось и в настоящей книге. Нами подробно, например, изложены обстоятельства, вызвавшие посольство к нам пастора Рокиты с целью религиозной пропаганды; означено юго-западное происхождение противолютеранских полемических сочинений, бывших в употреблении у московских полемистов, а это не всегда можно встретить даже в исследовании г. Соколова, имевшем своим предметом совместное рассмотрение отношения протестантства к Южной и Северо-Западной России: некоторые сочинения, имевшие юго-западное происхождение, в нем трактуются как местные московские.

Запавшие в Московское государство протестанты были предпочтены в нем католикам. Однако на первых порах они не отличались у нас от своих соперников по вере: пользовались тождественным с ними положением, и последующее в их внешнем быте по преимуществу было продолжением и развитием предыдущего; важнейшие вопросы из их отношения к местному православно-русскому населению получали первоначальную установку в истории католиков, с которыми протестанты, в свою очередь, вступали в различные сношения, дружественные и враждебные, оказывали на них влияние, и прочее. Понятна отсюда внутренняя необходимость в нашем сочинении касаться и католиков, говорить, насколько то надобно для объяснения главного предмета, и о них: без этого

многое в истории протестантства и протестантов оказалось бы неясным, беспричинным и неполным; самый уровень положения, благоприятный для них, как он обрисовывался впоследствии, не был бы достаточно определен без сопоставления его с положением католиков, не были бы достаточно определены и причины оказавшейся здесь разности.

Между тем наш почтенный критик, смотря на разбираемый предмет с чисто внешней стороны, видит здесь одно произвольное (!) расширение темы, допущенную будто бы нами методологическую неточность, неразличение и смешение двух различных предметов. Скорее мы ожидали укора в противоположном: не слишком ли мы воздерживались от удовлетворения требованиям историко-сравнительного метода, в достаточной ли степени сказано нами о католиках, о которых в книге едва ли наберется и 15 страниц на 782 страницы текста.

<...> Не менее неожиданно поразило бы читателя, по праву искавшего бы в нашей книге совсем не отрывочных и не кратких сведений, если бы мы в главе *о борьбе с протестантством* вместо содержания и характеристики важнейших литературных русских памятников предложили бы одну «характеристику содержания». В содержании произведений Максима Грека, помимо их прямого достоинства, важно было найти признаки, действительно ли направлялись они прямо против протестантов, и в каком отношении между собою стояли первая и вторая из его полемических проповедей. В полемике Грозного с Рокитой протестантство впервые было подвергнуто русским человеком подробной и многосторонней критике, тем более примечательной, что основная оценка протестантства — в догматическом отношении оно ниже даже католичества — навсегда предreshалась ею у нас, оказалась согласно со взглядами всей Восточной церкви, и это случилось в такую пору, когда вопрос об его свойствах и достоинствах и на Западе еще определялся не столько словом и пером, сколько мечем. Но допустим, что царь Грозный не нашелся бы что отвечать Роките и, убежденный им, дозволил бы ему и другим протестантским миссионерам их пропаганду и сам потом, со всею страстностью своей самовластной природы, оказал бы ей свое покровительство, — что за хаос водворился бы тогда у нас! и как судьба протестантства болезненно отразилась бы на всем дальнейшем течении нашей национальной истории! <...> Установка подобного факта требовала особенного с нашей стороны внимания; на нас лежала прямая обязанность предложить, что

и как противопоставлялось царственным полемистом приезжему пастору, т. е. важно самое содержание полемики, приводимые в ней положения и доказательства. Подлинным ответом Грозного Роките мы впервые воспользовались во всей его целостности и во всем богатстве его содержания; и будь для нас важна одна количественность, мы свободно могли бы ее увеличить при передаче речи Рокиты и апологии Ласицкого.

Что касается последующих крупных полемических сочинений, то потребность в воспроизведении их содержания вызывалась, кроме исторического интереса, еще и тем, что они еще до сих пор не изданы и их нет даже в большинстве университетских рукописных собраний. Поэтому для критика не было никакой надобности преувеличивать общеизвестность перечисленных фактов. По уверению г. Багалея, «обо всем этом много говорили гг. С. М. Соловьев, Никольский, Соколов, Иконников, преосв. Макарий, неизвестный автор статьи “Правосл. собес.” (1861, часть 2-я) и мн. др.» . На основании этих слов можно подумать, что о каждом из перечисленных фактов говорено много каждым из названных писателей: но напрасно было бы искать, например, у Соловьева нужных данных о полемических сочинениях, или в журнальных статьях Никольского и других авторов сведений о брачных делах; все «подробные» сообщения у проф. В. С. Иконникова уместаются на полстранице, где мимоходом комментируются лишь полемические сочинения Максима Грека. В примечаниях к тексту и отчасти в самом тексте нами указано, о чем говорил каждый из этих писателей; новых, не обозначенных нами, авторов критик не называет. Собственно полемические сочинения положены в основу исследования г. Соколовым; однако они имели для него служебное значение, поскольку помогали в раскрытии отношения протестантства к Московской России, причем он слишком часто пренебрегал точностью в передаче фактической стороны и в указаниях литературы предмета. <...> При изложении отдельных вопросов и фактов мною и приводилась соответствующая литература, с критической характеристикой важнейших пособий. При этом у г. Соколова я не отмечал «только недостатки»: не раз, именно в главе о полемических сочинениях, ссылался на его книгу вместе с сочинениями других авторов (с. 535, 602, 616 и др.); некоторые из его частных мнений приняты и повторены мною, и вина уже не моя, если мне гораздо чаще приходилось производить поправки, как равно едва ли в пользу сочинения г. Соколова будет то, если

со временем критика укажет, что в иных случаях лучше бы воздержаться от принятия его суждений.

Касаясь событий Юго-Западной Руси стороной, мы по праву ограничились указанием на нашу работу, в которой подробнее выражен нами свой взгляд на данный предмет, и из посторонних сочинений, естественно, назвали одни «выдающиеся», на которые могли сослаться сравнительно без особых оговорок; но в своем специальном изложении истории протестантства в Московской России, указывая и критически привлекая всю литературу предмета, должны были попутно распутывать по крайней мере резкие неточности в сочинении г. Соколова, и разъясняли их документально, по возможности не обнаруживая досадливого чувства за доставленные им затруднения в работе. О г. Соколове нельзя сказать, будто он «первый во всей широте поставил вопрос о протестантах в Московском государстве»: вопроса о самих протестантах он почти совсем не ставит в своей книге, он выдвинул в ней «отношение протестантизма» к России. Против постановки этого частного вопроса я ничего не имею, за исключением того, что главная основа, на которой г. Соколов строит свое здание — русские противопротестантские сочинения, — удобна как раз для *противоположной* темы и что правильное историческое исследование его может опираться только на *предварительном* изучении фактического и юридического положения, каким пользовались у нас протестантство и протестанты, церковного и гражданского быта иноземцев, их свойств и качеств, преследуемых ими целей и применяемых средств, и т. д. Без этого исследователю нельзя точно означать действительные границы своего предмета, и он ничем не удерживается от такого, например, расширения их, будто протестантство играло существенную роль в образовании раскола, будто и патриарх Никон приступил к своим реформам «не без совета и одобрения» лучших протестантов, или будто доктор Келлерманн «читал» Алексею Михайловичу газеты — тот доктор, который прибыл в Россию после смерти Алексея Михайловича и долгое время, по незнанию нашего языка, сносился чрез переводчика и с своими пациентами. Но главные затруднения труд г. Соколова представляет способом изложения фактических данных, построением обобщений и выводов и использованием чужими цитатами, из которых, между прочим, все ссылки на документы Московского Главного Архива Мин. Ин. Дел, как обнаруживалось постепенно, — заимствованные... Мы однако не считали бы

справедливым оставить в стороне это сочинение, не пользоваться им или отнестись так отрицательно-строго, как относится к нему в своих печатных трудах проф. А. Г. Брикнер², ближе других специалистов по русской истории научно знакомый с историей иностранного вопроса в России.

<...> Проф. Багaley утверждает далее, будто в нашей книге встречаются разноречия. Искусственным выдергиванием и сопоставлением выражений, взятых без контекста, и навязыванием им чуждого смысла легко находить «противоречия» в любом сочинении, и те примеры их, которые предлагались на диспуте, мы отстраняли восстановлением и выяснением действительного смысла слов, на которых старалась опереться оппозиция, указанием на то, что слова эти относятся к различным предметам или разным сторонам предмета, или к одному и тому же за различное время, и служат дополнениями друг к другу в деле точного и многостороннего раскрытия вопроса.

Случаи на этот раз нашим критиком приводятся новые. Посмотрим и на них. «Как разобраться, — пишет г. Багaley, — например, в следующих суждениях: на с. 122-й г. Цветаев заявляет, что “широкой свободой общественного богослужения пользовались не одни московские протестанты” (но и областные); на с. 8-й говорится, что веротерпимость наша обуславливалась “снисходительностью к иноверию православия”; а на с. 12-й оказывается, что “иноверие по сравнению с православием было сближено с неверием и в смысле государственно-юридическом было только допускаемо, почти лишь терпимо”».

Тому, кто прочтет правильно наш текст и не смешает совсем нетождественное, затруднений не представится, потому что здесь определяются *различные* стороны предмета, которые между собою не совпадали. В первом случае трактуется о *фактическом* вероисповедном положении протестантов, которое, особенно по сравнению с положением католиков, было действительно очень обширно, так как протестанты имели у себя храмы, в которых беспрепятственно отправляли общественное богослужение, между тем католики должны были ограничиваться одною домашнею службою. Во втором месте говорится о снисходительности православия к этому практическому положению иноверия, потому что у нас не проповедовалось «насилия в делах веры, чужие формы оставлялись в покое», и при этом ближайшею причиною, обуславливавшей свободу иноверия, выставлены нами «политико-

экономические и культурные потребности государства, удовлетворявшиеся при содействии полезных иноземцев», о чем, однако, умалчивает наш критик. Третье, приведенное им место, относится к *религиозно-догматической* оценке протестантизма по сравнению с православием, где протестантизм считалось лишенным таинств, и к его *государственно-юридическому* положению, которое было действительно весьма тесно: самые правительственные разрешения на постройку даже каждой отдельной кирпичи, сколько мы знаем, принимали вид особой, временной и частной милости, отнюдь не обязательной для правительства ни в иных местах, ни в другое время, ни для иных лиц, и наблюдалось, чтобы эти церкви служили для удовлетворения религиозных нужд одних природных протестантов и ничем, ни своим видом, ни местонахождением, не приносили бы соблазна или вреда религиозному чувству православных. Где же противоречие здесь? Разве сказать, что *фактическое* положение протестантизма было шире *догматической* оценки и *государственно-юридического* (и именно государственного, а не частного) положения его, значит выразить мысль, противоречащую себе?! Констатирование этих особенностей *de facto* и *de jure* в положении протестантизма сжато сформулировано мною и в одном из тезисов, частные мысли которого также определяют предмет в его целом виде*.

<...> Последнее «противоречие» критик усматривает в моих суждениях о протестантской пропаганде. Если присутствие ее в одном частном случае отвергается или считается недоказанным, пусть оно и признавалось другими исследователями, а в другом тоже частном случае признается, то тут еще нет противоречия себе. Но г. Багалея, и здесь допустив неточность передачи моих мыслей, снова приписывает мне свои толкования. Поэтому мы обязаны восстановить смысл нашего текста.

В книге (7 гл.) отрицается высказанное г. Соколовым мнение, будто бы «протестанты *расставили свои пропагандические сети на всех путях*, при каждом соприкосновении с православными», т. е. отрицается ведение *систематической* пропаганды

* Тезис XIII: «Соответственно с основною системою допускать иноверие в пределах его безвредности для православия, протестантизм, допускаемое на практике и, отчасти, в видах политико-экономических покровительствуемое, было в смысле государственно-юридическом только дозволено». Тезисы к диссертации мы встретили потом перепечатанными целиком в одном из отчетов о нашем диспуте (Прав. обозрение. 1890. № 11–12).

в Московском государстве; но в то же время признается влияние протестантов, правда, главным образом культурное, признаются и *единичные* попытки к религиозной пропаганде. В этом неправильно искать противоречия.

<...> От возражений со стороны формальной и методологической г. Багалей переходит к возражениям по существу, к реальной стороне сочинения. Их немного. В суждениях о некоторых частных случаях рецензент склоняется к мнениям авторитетных лиц, о деле принца Вальдемара держится мнения Соловьева; об утверждении на московском соборе 1620 г. перекрещивания иноверцев, обращавшихся в православие, он повторяет слова пресв. Макария. О первом деле нами уже высказан свой взгляд; соответственное место в «Истории Русской Церкви» пр. Макария тоже было известно нам, цитируется под трактатом о соборе (349 стр.) и нашло отражение в нашем суждении о причинах состоявшегося определения (350 стр.). Однако «неимением» московскими людьми «верных и точных сведений о заблуждениях римской церкви» нельзя всего объяснить: сведения о данном предмете, имевшиеся до Смутной эпохи, были еще недостаточнее, и все же тогда дело не дошло до соборного определения о перекрещивании. Ближайшее значение оказывали здесь сложившиеся ко времени собора исторические обстоятельства: религиозно-национальное возбуждение против католиков и опасение повторения прежних бед, против которых принимались меры, действовавшие на массу и согласные с ее настроением, как равно с настроением и взглядами самих законодателей. Условия эти ослабели к периоду собора 1667 года, тогда беспрепятственно состоялась и юридическая отмена суровой меры. Эти временные условия, кроме общих причин, настойчиво и указаны нами. Вступая на реальную почву, проф. Багалей предъявляет здесь требование, мало мирящееся с возражением, предъявленным пред тем с формальной стороны. Ему кажется неполным мое изложение актов собора 1667 г.; но ведь как собор 1620 г., так и отметивший его меру собор 1667 г. *обсуждали дело о католиках и ни словом не упоминали о протестантах*, к которым соборные определения были применяемы потом уже лишь на практике, и для моей цели было совершенно достаточно того, что приведено и высказано мною об этом постороннем вопросе.

<...> Мы ответили на все возражения и замечания Д. И. Багаля. За исключением двух-трех из них, да и то взятых с ограничениями, мы не находим возможным согласиться с ним. Мы видели, как

приводимые факты не соответствуют тому, что он хотел обосновать на них; следовательно, и укоризненные выводы из них являются только делом его недоразумения. По-видимому, и сам ученый автор не придавал им существенной важности, предупреждая, что он отметит «только кое-какие недостатки сочинения». С гораздо большею силою он высказал в начале своей критической статьи, что «вопрос о протестантах разработан в книге многосторонне, исчерпаны все существенные стороны его», «в основу положены источники», печатные и рукописные, объединена соответствующая литература предмета и проч.; отметил критическое отношение к фактам и чужим мнениям и заявил свое согласие с статьями других критиков, по его словам, полнее его раскрывших «достоинства» сочинений. <...> И мы очень признательны г. Багалею, что он своею статьею вызвал нас на то, чтобы еще раз высказать наши мысли о некоторых пунктах, показавшихся ему спорными, и сообщить несколько дополнительных разъяснений.

Фактические ошибки, которые в каждом сложном и обширном деле столь возможны, мы защищать и отстаивать не только не намерены, но встретим также признательно указание их, лишь бы наши промахи означены были действительно ясно, научно, с полною убедительностью. Это может только способствовать дальнейшему движению правильной разработки. В русской исторической науке, да, конечно, и во всякой другой, пока еще нет ни одного крупного сочинения, в котором бы не встречалось ошибок, особенно когда дело идет о новых во многом вопросах. Известно, какие значительные промахи допустил необыкновенно тщательный в своих трудах С. М. Соловьев, излагая некоторые частные факты взятого нами предмета. Уже из одного этого видно, как важно у нас для исследователей стороннее содействие: но это же самое, в свою очередь, налагает непрременную обязанность и на гг. критиков, как менее знакомых с разбираемыми вопросами, быть поосмотрительнее в своих возражениях и советах.

